
МАРКСИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ: СРАВНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЙ (Интеллектуальный семинар по марксизму)

А.В. Бузгалин: Вначале я сформулирую проблемы, которые очень важны. Первая проблема - это вопрос о постмодернизме как методологии, можно ли говорить, что у постмодернизма есть некая методология как в социальных науках, или так говорить нельзя. Я не уверен, что это корректная постановка вопроса; но с постмодернизмом как я покажу дальше сложно, чтобы что-то было корректно. Потому что такое течение, которое позиционирует себя как принципиально деконструктивное и в этой связи не все так просто. Второй вопрос - можно ли говорить о неких границах постмодернизма, то есть то-то ты признаешь, говоришь, делаешь, то ты - постмодернист, а если ты думаешь, говоришь или делаешь другое, то ты не постмодернист.

Итак, Фуко - постмодернист, Делез - постмодернист. А Хардт и Негри - постмодернисты? Здесь уже не все так просто. А Жижек - постмодернист? Совсем не просто. Где граница? Следующий вопрос: можно ли говорить о каких-либо содержательных границах постмодернизма, не критериях, а о границах? Или такие вопросы в принципе задавать нельзя? И последнее - есть ли какие-то связи между общественной практикой и постмодернизмом, и общественной практикой и непостмодернизмом?

И далее: насколько продуктивен постмодернизм в методологическом плане? De facto, даже если постмодернизм не хочет считать себя некоторой методологией по факту, но он таковым является.

Теперь некоторые тезисы моего выступления.

Первое и, на мой взгляд, главное понятие постмодернизма – *симулякр*. Из него растет все остальное. Дело в том, что постмодернизм, на мой взгляд, появляется тогда, когда господствующими становятся символы превращенных форм. Приведу пример: рынок - это мир превращенных форм, когда людям кажется, что ими правят деньги, хотя деньги на самом деле правят людьми. Людям кажется то, что есть на самом деле (Маркс): они на самом деле люди вступают в такие общественные отношения, где господствует денежный фетишизм, создающий кажимость, скрывающую сущность (то, что действительные субъекты истории – люди, а не бумажки-деньги или некий металл-золото). Симулякр – это нечто большее – это симулирование кажимости. В нашем примере – это уже не деньги, а некий символ денег, симуляция денег (в экономике – фиктивный виртуальный финансовый капитал).

Итак, мой первый тезис - это фиксация того, что постмодернизм есть не критическая фиксация того, что сей мир есть мир симулякров. Я бы сказал даже жестче: это капитуляция перед символами превращенных форм.

Оговорюсь: левое крыло постмодернистов (Бодрийяр, Жижек) могут не только фиксировать господство симулякров, но и избочличать их. Впрочем, и они возводят это избочличение в самоцель. В дальнейшем из этого растет деконструкция, ведущая к десубъективации и ничто (то ли самоубийству, то ли деконструктивному бунту, более всего напоминающему самоубийство). В этом принципиальное отличие постмодернизма от диалектической критики, из которой растет снятие, ведущее к становлению нового качества (революция как разрушение-созидание), т.е. развитию.

Вслед за симулякрами идет следующий шаг, когда выясняется, что в этом мире нет четких структур, нет векторов развития, нет критериев прогресса. Впрочем, сказанное - еще до-постмодернистская, пре-постмодернистская постановка вопроса. Собственно постмодернистские конструкты - детерриализация и децентрация. Все теряет землю и основание, все теряет центрацию и структуру. И только как таковое может и должно быть воспринято.

Опять-таки, нельзя не видеть, что у этого конструкта есть объективные реальные основания: переход от жестких, иерархических структур к сетевым, или вообще к бесструктурным, аморфным образованиям. Весь вопрос в том, есть ли у этих структур системное качество, границы, некоторые характеристики и т.д. У Хардта и Негри эта методология получает социо-политическое воплощение в конструктах «империя» и «множество». Они принципиально без-структурны, или а-структурны. На самом же деле та же «империя» (система современных форм глобальной гегемонии корпоративного капитала) - это достаточно структурное образование.

Третий шаг - деконструкция как принципиальная установка, как уход даже от текста, как слишком определенных образований, к разрушению, к уходу в щель. В принципе, на мой взгляд, это целостное отображение того, каким становится (хотя еще не стал) поздний капитализм, его социальная, экономическая, политическая, культурная жизнь.

Философский постмодернизм иной. Он рефлексивует все это, подвергает разрушению, но не создает альтернатив, как бы показывая, что так и должно быть. Так устроен этот мир.

В этом философском постмодернизме есть две стороны. Одна, на мой взгляд, позитивная: Рассуждая о разрушении, оперируя симулякрами, последовательно проводя идеи деконструкции, заменяя теории концептами, проповедуя отказ от больших нарративов и т.п., постмодернисты-философы указывают на то, что реально происходит в этом мире. Они на философском языке «выбалтывают» страшную тайну симулякров превращенных форм позднего капитализма. Если суметь расшифровать этот постмодернистский текст-тайнопись, если продрагаться через завесу символов, призванных симулировать видимость, которая – в свою очередь – скрывает и деформирует сущность и дойти «до самой сути» (напомню: постмодернизму претит даже намек на ее существование), то получится очень важная для понимания сего-

дняшней реальности картина многократного «превращения» содержания в неадекватные ему, маскирующие его формы, а этих превращенных форм в симулирующие их символы. И то, что они фиксируют эту иллюзию превращенных форм в генерализованном виде, по-моему, очень ценно.

Но философский постмодернизм имеет и негативную сторону. Во-первых, он как течение (не его представители!) скучен. Дело в том, что он просто фиксирует описанные выше реалии и, хотя читать его занимательно. Как разгадывать кроссворд: копаться в тексте, искать смысл, понимать насколько ты – или автор? – глуп, ибо толком ничего определенного не можешь найти и лишь к концу текста догадаться, что именно ради этой неопределенности-не-недо-понимания этот текст (а может и нетекст) писался-но-не-сотворился (ибо творчества нет как и субъекта), представляя из себя всего лишь расшифровку-толкование-деконструкцию других текстов. Но сам по себе постмодернизм оказывается на самом деле скучен. Потому что из этого ничего не вытекает.

Во-вторых, он не-креативен. Не авторы, а течение. Если под творчеством понимать созидание чего-то, то он не креативен, а если под творчеством понимать что-то другое, то он не созидателен. Такой «обычный» постмодернизм сер именно в силу своего конформизма. Конформизм же *de facto* становится философской основой для узаконения *status quo* и тотальной власти рынка.

Потом появляется *левый постмодернист*, выходящий за границы постмодернизма. Тот же Бодрийяр, критикующий симулякры. Или Славой Жижек, который даже Ленина любит (в чем-то). Или доходящие почти что до коммунизма Хардт и Негри. Или несколько менее малоизвестные постмодернисты, работающие в области экономической теории.

Все они так или иначе говорят этому миру, что он плох, то есть делают некий вывод, который не делают большинство постмодернистов. Они не только фиксируют симулякры и т.п., но и говорят: это - плохо. Иногда у них даже вводятся оппозиции: против империи восстает множество, а симулякр оказывается объектом критики; иногда дело доходит даже до того, что неявно появляются некие размышления о прогрессе.

Но в той мере, в какой *левый постмодернизм* делает эти шаги, он *начинает подрывать свои методологические основы*. У его авторов появляются развитие и вектор этого развития; появляются прогресс и критерий прогресса. Еще шаг – и у него появится некоторый большой нарратив, в рамках которого он сможет соизмерить Добро и Зло, империю и множество, «левое» и «правое», Ленина и его оппонентов из Второго Интернационала.

Так возникает очень интересная коллизия между философией постмодернизма и идейной позицией ее левого адепта. Из этой коллизии возможен только один выход: соединяя левую позицию прогресса и постмодернистскую методологию деконструк-

ции и децентрации уйти в некий осовремененный вариант анархистского действия. Так возникает странная смесь сетевого, виртуального анархизма и постмодернистской методологии. Это характерно для Хардта и Негри, которые выросли из автономизма, это характерно для большинства постмодернистских леваков-практиков (не философов). И это отчасти согласуется с тем, какие выводы делают из чтения левых постмодернистов политические деятели.

Суммирую: даже если брать самый интересный для нас левый постмодернизм, то и в нем есть больные моменты. Такой постмодернист все равно будет вынужден идти либо в ту, либо другую сторону. Практически так всегда и происходит.

Первый путь: левый постмодернист застывает в положении интеллектуала-конформиста, имеющего только один признак левизны и только одно утешение - то, что в кругу друзей он квалифицирует себя как левый. Такой философствующий социолог, экономист, культуролог, искусствовед, бывший по молодости левым активистом, войдя в зрелый возраст и получив хорошую работу как бы говорит себе и окружающим: «Я пребываю в этом состоянии, потому что таково положение вещей: да, я вижу, что мир устроен плохо, но структурное действие неправомерно и поэтому единственное, что я могу сделать - это отразить на адекватном языке сию «плохость». И этого достаточно, поскольку выход в действие - это уже полное разрушение постмодернизма, если только это не спонтанный, аморфный, децентрированный, неструктурированный процесс. И еще - это действие должно происходить в сфере текста, а лучше - номад, то есть неких представлений о тексте, как бы текстов, взятых в некотором контексте и подвергнутых деконструкции. И эта деконструкция как бы текстов и есть моя борьба, моя деятельность как левого активиста. В самом деле, если вы деконструируете текст, который можно считать символом мира отчуждения, то вы уже левый!»

Второй путь: путь идеологического оправдания деконструктивного социального действия. Но это уже проблемы политики и об этом я говорю в других аудиториях.

А.А. Пензин: Я бы хотел начать с того, что нужно очень точно оперировать словами. Я бы не хотел принимать Вашу альтернативу: постмодернизм – «за» или «против». Мне кажется, важно разобраться с самим термином. Причем, я бы был скромнее в том смысле, что здесь надо начать с нашего локального контекста и понять, как функционирует это слово здесь. Потом можно обратиться к далеким звездам, космическим орбитам вроде Жижека, Негри, Хардта и т.д. Важно понять само происхождение термина, не только в смысле идеологическом, – Вы вполне резонно говорили, что постмодернизм есть идеология, это некая превращенная форма капиталистической действительности. Но мы можем отслеживать функционирование этого слова не только в идеологическом контексте, но и в контексте внутрифилософском, внутрикультурном, в контексте борьбы различных интеллектуальных стратегий. Мне кажет-

ся, что постмодернизм – это изобретение американской академии, которое было связано с рецепцией той самой французской философии, авангардной, на мой взгляд, и нескучной, которая сформировалась где-то в 50-60-е гг. XX в. Есть текст Лиотара «Состояние постмодерна», это единственный из французских философов, кто активно использовал этот термин. Это использование было связано с локальной задачей, попыткой философа отрефлексировать современное состояние знания.

Далее был эпизод, связанный с художественным течением в архитектуре, и еще несколько разных поводов. Таким образом, образовалась смысловая формация, которая была очень далеко от Фуко, Делеза и других имен, которые обычно с этим некорректно связывают. И уже в этой форме «постмодернизм» был воспринят здесь, причем он получил у нас, так скажем, либеральную рецепцию, пройдя через это американское академическое сито. Здесь он был воспринят в 1990-е гг. либеральным культурным истеблишментом, что меня возмущало. Он был языком «для своих», вспомним того же Славу Курицына, культурную журналистику того времени и прочее. То есть, здесь «постмодернизм» еще функционировал еще в другом смысле: как некий постперестроечный язык агрессивной либеральной культуры. Это другой контекст, сообщества интеллектуалов, которые хотели окончательно разрушить СССР, все его старые структуры, и марксизм для них – это уже это идеология, догматизм. Наконец, сейчас в нашем контексте образуется третья смысловая формация вокруг слова постмодернизм. Не хотелось бы пока делать обобщений.

Постмодернизм, то, что вы говорили, скорее продукт такой американской рецепции, универсализации этого понятия. Во-вторых, сами дебаты о постмодернизме, которые захватывали в основном англоязычный мир, прошли давно, в 80-е начале 90-х гг. Я давно не встречал дебаты о постмодернизме, а у нас эта проблема жива как некая маска для каких-то других проблем, которые беспокоят консервативную интеллектуальную среду.

Итак, мой первый тезис о том, что это слово (постмодернизм) функционирует в разных контекстах, и их нужно различать и в международном, и в локальном контекстах. Второе, о чем я говорил: существует внутренняя проблематика марксизма, поиски философских оснований марксизма; они шли в диалоге с различными философиями и, в том числе, с теми, что представляет собой современную французская мысль.

А. Кожевников: Уважаемые коллеги, мне достаточно трудно как историку использовать прозвучавший понятийный аппарат. О постмодернизме я услышал из Ваших уст, хотя, разумеется, данное понятие фигурирует в литературе. В моем представлении это процесс объективный, но сам постмодернизм является, грубо говоря, в разных его проявлениях результатом буржуазной сырости. Кризис марксистской идеологии, о котором писали и в 60-е гг., понятно, чем он был порожден: науч-

но-техническими революциями конца 50-х гг.; расширением среднего класса. Отсюда, и еврокоммунизм, размывание социал-демократии, пролетарской базы как базы для марксистских партий и, с другой стороны, опыт Советского Союза. Поэтому появилось несколько направлений и своеобразных реакций на этот процесс и, на мой взгляд, одной из этих реакций явился постмодернизм, который только усугублялся с развитием технологий, социальной структуры именно на Западе, прежде всего в США. Это взгляд историка, я не смогу большего здесь добавить.

А.В. Бузгалин: Тут прозвучала реплика, Станислав Маркелов, пожалуйста.

Станислав Юрьевич Маркелов: Начитавшись постмодернистов, и Вы уже прервитесь в классического постмодерниста.

А.А. Пензин: А Вы можете не использовать слово «постмодернизм»?

С.Ю. Маркелов: Давайте я попытаюсь. По юридической практике юристы любят прикрываться авторитетными цитатами - и я начну со смысловой цитаты. По одной причине этого автора очень сложно цитировать: «Синтез не является показателем роста знания, наоборот, это является показателем упадка, так как синтез приводит к потере анализа». Я процитировал Иммануила Канта его «Критику чистого разума». Сделал это специально, потому что бунт XVIII - начала XIX вв. во многом был бунтом против того, что мы сейчас пытаемся назвать постмодернизмом. Потому что поздняя теология католицизма, главенствовавшая тогда в Европе, имела очень много схожих признаков. Это отрыв синтекса от контекста; отрыв формальной теологии от любой реальности; это запрет на анализ, любые научные дискуссии, которые специально выводились из предела применительной практики. Знаменитый спор: сколько чертей можно уместить на конце иглы вошел в сферу философских анекдотов. Самое главное - это, действительно, отрыв сферы идеологии, теологии от реального применения религиозных, иных сил, то есть применения их выводов к практике, то есть в догмы позднего католицизма можно было вводить все что угодно. Главное, чтобы ты платил индульгенцию и десятину церкви. Это не оспаривается, это является жестко обязательным. А что эти догмы могут извращаться, что если хочешь опираешься на Августина, Фому Аквинского, Николая Кузанского - это тебе все прощается, ты платишь десятину, читаешь папу Римского и платишь за индульгенцию. Больше ничего не надо. Интересный вариант, что сейчас как некое революционное новаторское течение представляет тот самый постмодернизм, а анализ, выступавший тогда в XVIII-XIX вв. под напором свободной мысли, становится элементом традиционализма и некой ортодоксии. Почему это происходит то же очень легко определить: дело в том, что это течение имеет такие манки-приманки, которые очень привлекательны для любого исследования. Во-первых, они создают иллюзию индивидуализма: ты

можешь водить в созданные амады чуть ли не в само содержание; тебе не нужно его вписываться в имеющийся контекст, в имеющуюся практику. Во-вторых, это очень важно, создавая теоретические послылы, тебе не нужно соотносить их с тем, что происходит на самом деле, оправдывать свою идейную конструкцию реальностью. Это всегда сложно для исследователя, особенно для исследователя, оперирующего абстрактными категориями. Обычно люди делятся на практиков и теоретиков, те, кто это совмещает, это редкие люди. Постмодернизм создает такой послыл, что ты можешь жить в сфере языка, очень слабо обращая внимания на улицу, или полностью разделяя эти сферы, не соотнося их между собой. В-третьих, постмодернизм создает иллюзию всеядности, всеобъемлемости: ты можешь включать в эту структуру релятивизма, где все одинаково, что произведение Рембрандта, что собаки, не изучая ни Рембрандта, ни собаки. В реальности я бы хотел повернуть дискуссию: на что купились очень многие левые идеологи? Дело в том, что релятивизм в принципе лежит в основе любых левых знаний. Не важно - марксистское направление или немарксистское. Это потому что они выросли из идеи равенства любых подходов, любых ценностей, категорий. Постмодернистский релятивизм, равенства всех категорий, он создает спекуляцию из этого, эти категории не надо изучать, ты сам признаешь изначально, что они одинаковые, это не надо изучать. Значит, этот мир можно сделать всеобъемлющим для любой отрасли знания, нет дисциплинарных категорий. Естественно, это создает потрясающие методологические возможности. Другое дело, что они не приводят к никаким выводам, но этим можно заниматься всю жизнь, действительно, как разгадывая кроссворды. Это процесс бесконечный, когда разгадываешь, ты никого вывода из этого не получишь, кроме того, что есть общая эрудиция. Можно гадать дальше, этих кроссвордов тысяча, а если их создаешь сам, то это процесс вечный. Получается: постмодернистская диалектика, а здесь есть большой серьезный ответ, на который хотел бы обратить внимание: «А Вы уверены, что современный марксистский постмодернизм - это есть контрапункта?» Я в это не верю. Если Вы посмотрите, Вы сейчас упомянули корифеев постмодернизма, но сколько из них даже по формальным показателям относил себя к марксистскому лагерю? Очень много, Вы правильно упомянули Францию как *mainstream* в левом движении, именно данного направления. Французская философская школа во второй половине XX века считалась доминирующей, а почему это произошло? Вторая половина XX в. создала проклятые вопросы для идеологии марксизма, есть просто марксистские прогнозы, идейные выкладки, которые не оправдывались реальностью. Нужны были какие-то запасные пути: запасные пути дали постмодернизму, используя эти запасные пути, многие идеологи марксизма уходили на «тыловые рельсы», спасали свои идеи, применяя эту методологию. Я не уверен, что распространение левого марксизма связано с теми послылами, о которых Александр Владимирович говорил, потому что тенденция подстроиться под реальность, это не обоснование, это отмазка. Нужно оп-

равдаться, подстраиваться под реальность, потому что все вокруг так говорят. Почему-то марксисты могли противостоять разным идейным школам XIX века, а сейчас никак не получается. За это их «в тюрьму посадят», если они не будут говорить на постмодернистском языке. Мне в это не верится, в конце концов, сталинисты этого не используют. Их, правда, никто не любит. Я заканчиваю. Единственный вопрос: «Есть ли этот фронт противопоставления между марксизмом и постмодернизмом?» Где эта линия фронта, я ее не вижу.

Д.В. Черный: Я - литератор, сбежавший от постмодернизма в радикальный реализм, и абсолютно не имевший никакого представления о марксизме до этого бегства. К моему стыду, сбежал я от мною не очень-то теоретически познанного (но в практике, в литературе набившего оскомину) постмодерна к марксизму, который более или менее постиг уже не как литератор, а как политик. Говорить об этом бегстве буду в контексте современного искусства - надеюсь, это не покажется скучным.

На рубеже миллениума для меня вопросом жизни и смерти художественного слова было решение проблемы постмодерна именно в идеологической плоскости. Попытаюсь объяснить это, говоря о современной поэзии. В ней в 1990-х само появление нового стиля, проявление индивидуальности было заранее осмеяно постмодерном с его компиляциями и цитатничеством. Все это процветало в девяностых, например, к кругу авторов журнала «Вавилон». Были и свои кумиры. Минимализм Всеволода Некрасова – вот постмодернистский итог неофициальной поэзии, с корнями, уползающими в почву «оттепели», задолго до восьмидесятых. Но даже в минимализме – издевка над стараниями соцреализма. И я нашел за этой ухмылкой бегство от реальности, последовавшее мгновенно за контрреволюцией, то есть типичную либеральную «логическую» последовательность.

Поскольку постмодернизм у нас в 90-е гг. развивался совершенно в очевидном либеральном идеологическом контексте, отсюда, я думаю, правомерны упреки не столько к самим французским классикам постмодерна, сколько к их трактовщикам, адаптировавшим приемы постмодерна к постсоветским запросам дезориентированного общественного сознания. На самом деле были очень тонкие дискуссии о том, насколько были левыми уходящие от марксизма постмодернисты, и самое главное - насколько критерий практики подтверждал эту новую запасную теорию.

Во второй половине века возникли уже ответвления марксизма и, наконец, возникли постмодернизм, структурализм, семантика. Но в России 90-х годов, отражаясь лишь потом в отечественном искусстве, уже отчасти отразившийся ранее и в пропаганде, постмодернизм поставил ребром проблему мировоззрения прежде всего. И ребро это – политическое. То есть современный постмодерн у нас в литературе возник как некий критический постмодерн – стиль, критикующий в основном реальность советского прошлого, как антиреализм в этом смысле. Тот же самый политиче-

ски ангажированный журналист и поэт Курицын, которого сегодня уже вспоминали, был пророком Пелевина - в том смысле, что он предисловия к его романам писал. А Пелевин до этого крапал политически недвусмысленные статейки по либеральным журналам, с названиями вроде «Плюс зомбификация всей страны», зарабатывая имидж и набирая таким образом первичную аудиторию. Ясно ведь, на чью мельницу льется водичка? Более того, сам по себе Пелевин (которого очень любит, например, Кагарлицкий и какая-то часть левых теоретиков, считая, что он несколько не буржуазен, нелиберален), скорее всего, куда хитрее этого политического измерения теперь.

К чему я пришел, критикуя постмодерн в Манифесте радикального реализма в двухтысячном году? Понимая, что на момент наступления миллениума в конкретной литературной обстановке, все это прозвучит как бы в пустоту, я тем не менее призвал отбирать методы русского постмодерна, отмечая его скепсис и либерализм. Например, литературтреггер Дмитрий Кузьмин никогда не приветствовал проявления политики, идеологии в современной поэзии, которая, освобождаясь от идеологизации реализма, она освобождалась и от формальных моментов стиля.

Реальность просто уходила и от художника как возможность ему самому быть в ней, так или иначе - о ней пишушим. Она уходила из текстов тогда стремительно, ее величество Реальность. И чтобы увидеть ее, нужны были радикальные средства отрезвления, очищения восприятия – после тяжелых наркотиков пелевианства. Поэтому я говорил в манифесте о радикальном реализме - непостсоветском, но о новом социалистическом реализме в перспективе. Я попытался в книге стихов и поэм 2001 года издания «Поэма-инструкция бойцам революции. Манифест и методы радикального реализма» умудриться не отказаться при этом и от определенных сугубо технических изобретений постмодерна, принести их на новом блюдецке в том общественном контексте. Такой экспроприаторский шаг очевидным тогда был – и он был идеологически верен. Постмодерн вскоре сбежал из литературы, стерся словно рекламный баннер, послужив немногим писателям как модный лейбл, как пропуск в читательский vip-зал.

Период боязни реальности 1990-х сменился, наоборот, вниманием к реальности, возвращением к реальности. Это было связано с марксизмом для меня, да и для общества, потому что пришлось, объясняя эту реальность прямой речью, использовать уже марксистский тезаурус. Но там остались некие оптические моменты от постмодерна, но так это получалось, на новом витке.

Б.В. Склярenco: Я пришел к выводу, что марксизм и постмодернизм не находятся в контрпозициях, и деконструкция как явление постмодернизма во многом, я считаю, присуще сегодня и марксизму. С одной стороны, разница только в том, что постмодернизм есть результат логического позитивизма, логического осмысления тех явлений, которые были во второй половине XX века; а марксизм проявляет постмо-

дернистские признаки своего развития в своей бытийности в силу своей и исторической, и реальной незавершенности с последующими вынужденными деконструкциями по отношению к самому себе. Проявлением этого в практике является попытка развития марксизмом их нарративный характер, веерное распыление марксизма на его подвидовое множество и т.д. Для меня, поэтому ближе линия не поиска того, что разделяет марксизм и постмодернизм, а то, что их объединяет.

По сути, марксизм и постмодернизм во многом - это близкие явления, противоречий я не вижу. Почему? Два понятия как, например, посткультурная традиция и аналитическое отношение к объекту в классической философии, которые были на самом деле ясны и раньше, но в силу рационализма, заблуждений рационализма абсолютизированы. То, что сейчас открыли, это есть специфика этих явлений в общественном сознании нашего времени выражаемая понятиями постмодерн и деконструкция. Когда начинаем проверять в историческом контексте, оказывается, это было и раньше, в других рамках, других масштабах, других условиях и обстоятельствах. Нечто похожее мне видится в истории с симулякрами и их синонимически близким явлением - виртуальностью.

Если разобраться хорошо, то, на мой взгляд, наука бывает не меньше симулякром, нежели тот или иной носитель знаковости, и она тоже в значительной мере носит виртуальный характер. Вся разница состоит в том, что, если снова же исторически просматривать, то в значительной мере эти понятия имели место, становились актуальными тогда, когда происходили радикальные, коренные социальные изменения, которые раньше имели в своем распоряжении более длительный промежуток времени, когда они были на восходящей и нисходящей линии. Особенность XX века в отличие от этих процессов в прошлом состояла именно в том, что пересечение и факторов формирования рисков, и их последствий были столь огромны, а временной промежуток для принятия решений столь короткий, что все это сжалось до такой степени, что локальные и региональные риски превратились в глобальные (здесь – аналитика У.Бека). И это глобальность не позволяет принять какую-то реакцию, какие-то аналогично глобальные ответные решения. Если раньше реакция была в форме военных действий, политических моментов, средств, то здесь такие меры могут действовать как спусковой крючок, когда все может мгновенно закончиться глобальной общепланетарной катастрофой.

В.Г. Арсланов: Я процитирую строчки одного постмодернистского манифеста. Я предлагаю присутствующим угадать, что это за постмодернистский манифест. Я несколько фраз прочитаю. «У нас широкий кругозор, и мы смотрим глазами всех на все. Именно поэтому в нашем журнале появится подготовленная виднейшими специалистами работа, - я все их не перечисляю (В.А.), - принципиальный вопрос инструментки стиха, звук и запах в литературе, пафос разорванной композиции, динамика

сжатой фразы, сюжет как пустяки и т.д. Мы выступаем не против догмы в обычном значении этого слова, мы, почему бы не сказать откровенно, утверждаем специфику искусства как веселого мастерства без стеснительных рамок мировоззрения. Мы не только отстаиваем именно такой антидогматизм, не только защищаем наши глубочайшие убеждения в абсолютной относительности всех убеждений и вкусов, пожалуй, даже несерьезности всего этого. По крайней мере, так относятся к этим вопросам все те, кого мы считаем подлинными ценителями искусства». Постмодернистские тезисы?!

Участники дискуссии: Не постмодернистские, модернистские.

В.Г. Арсланов: А почему не постмодернистские: абсолютная относительность всего ведь утверждается?

А.А. Пензин: Вы читали у Фуко и Делеза фразу «все абсолютно относительно»? Мне кажется, Вы процитировали замечательный манифест 20-х или 30-х гг.

В.Г. Арсланов: Откровенно говоря, я не нахожу ни одной из процитированных фраз, которых не было бы у постмодернистов. Так вот - что это такое, прочитанное мною? Это литературная пародия (перепечатана в журнале «Альтернативы» № 3 за 2008 г.), которую опубликовал журнал «Литкритик» (в котором ведущую роль играли Лифшиц и Лукач) в 1939 году. Пародия на авторов и теоретиков 30-х гг., образующих постмодернистское единство: с одной стороны, Виктор Шкловский, с другой - Всеволод Вишневский, Владимир Ермилов и ряд других «зубодробительных» авторов. Но, как ни парадоксально, «священная корова» современной либеральной интеллигенции Виктор Шкловский и всеми ныне презираемый Ермилов - это очень тесная упряжка, она была реальной не только чисто тактической, но и *теоретической* связью между формализмом в литературоведении и «сталинскими термидорианцами».

Из этих «постмодернистских» теоретических установок вытекала практика и практика чудовищная, самого идиотского, самого чудовищного так называемого соцреализма 40-50-х гг. На мой взгляд, и современный, даже самый «левый» и почти марксистский постмодернизм чреват этой практикой, он разрушителен по своей сути, хотя не все постмодернисты плохие люди. Мих. Лифшиц убеждал в своем знаменитом эссе «Почему я не модернист?» Бывают хорошие модернисты, бывают среди модернистов даже настоящие герои, но не бывает хорошего модернизма.

А.В. Бузгалин: Виктор Григорьевич, они все очень разные. И «Призраки Маркса» - это совсем другой Деррида, чем тот, что писал ранее.

В.Г. Арсланов: Да, но эта разность образует некое постмодернистское единство. Очень характерная в этом смысле книжка, которую у нас перевели друзья Деррида и издали под названием «Деррида в Москве». Это пример того, как друзья понимают своего друга. Книжка очень тонкая и по объему и по содержанию (в хорошем смысле).

Деррида после путешествия в Москву написал книжку о том, почему он не может написать «путешествие». Смысл сводится к тому, что вообще сейчас текстов, литературы быть не может - ни литературы, ни философии – ибо любой текст сегодня будет ложью. Деррида объективно не может поэтому написать «Путешествие». Но он сам не может написать книгу, потому что был уникальный литературный жанр «путешествие в СССР»: родился этот жанр и умер вместе с СССР. А сейчас СССР нет, и вот поэтому, намекает Деррида, он никогда не напишет книги о своем путешествии в Москву, ибо то, что он пишет – это не книга, не литература, а постмодернистская смерть литературы.

Т. Адорно утверждает главную мысль всякого модернизма, что искусство живо тем, что оно совершает самоубийство, искусство не может жить в XX веке, поэтому только в акте самоубийства оно живо, но это, к сожалению, у Адорно только слова. Почему? Потому что акт самоубийства искусства - это молчание, бывают ситуации, когда действительно надо промолчать. У Твардовского Василий Теркин в иных ситуациях, действительно безвыходных, молчит. Я в своей книжке о постмодернизме привожу эти ситуации. А либеральный интеллигент-модернист в трагической ситуации XX века начинает истерически кричать, шуметь, махать руками: он порождает панику. Вот что делает современное искусство, провозглашая молчание, оно истерически вопит и распространяет безумие. Величайший грех постмодернизма, который, мне кажется, неизбежно приведет к практике, к которой привел тот манифест-пародия, строки из которого я прочитал вначале. Если действительно нечего сказать - так молчите, господа, а не истерически кричите, распространяя безумие вокруг себя, - и получая за это гонорары и премии, весьма, бывает, не малые. Спасибо.

Л.А. Булаева: Говоря о постмодернизме и марксизме, а точнее о постмодернизме с позиции марксизма, я бы выделила несколько важных, на мой взгляд, моментов.

Первый. Рассуждения о постмодернизме у нас зачастую обретают форму запоздавшей рефлексии на чужие комментарии к непрочитанным книгам. В любом случае важно понимать, что предвзятое восприятие постмодернизма, равно как и его предвзятое отторжение, в действительности не позволяет распрямить его реальное содержание.

Второй. Я согласна с Алексеем, что нельзя к постмодернизму редуцировать всю европейскую философию второй половины XX века, т.к. в ней действительно существуют разные научные направления, идейные течения, подходы. При этом всегда

важно видеть различие между тем научным направлением, к которому относит себя тот или иной философ и тем направлением, какое он объективно представляет, т.к. это далеко не всегда одно и то же.

Говоря уже о самих постмодернистах, я бы разделила их на тех, кто честно (в научном смысле) **фиксируют симптомы** самого этого феномена, отражающего господствующую в мета-реалиях болезненную логику распада и на тех, кто эти симптомы **возводит в императивы** философии и бытия. Кстати, этот последний подход зачастую является едва ли не единственным и потому господствующим среди российских апологетов постмодернизма.

Третий. Если говорить о самих основах постмодернизма, то, на мой взгляд, главной из них являются процессы де-субъективации человека как творца истории во второй половине XX века. Конечно, борьба с мировым фашизмом стала апогеем в истории субъектного бытия западного человека. Кроме того, нельзя забывать о той мощной практике анти-колониального, анти-военного протеста, которая была в XX веке и которая также питала этот субъектный принцип бытия. Все это породило сильный и яркий всплеск в культуре Запада, особенно в начале второй половины XX века. Но по мере размывания принципа субъектности как некоего онтологического остова начинала стагнировать идея уже и самого культурно-исторического бытия индивида. Для чего человек живет? Получать *приличное* жалование в фирме, *честно* платить налоги, делать *удачные* покупки на Рождество и *бодрить* себя на старости лет туристическими поездками?

Одно из основных противоречий «западной» действительности второй половины XX века, когда человек как наличное бытие есть, а человека как идеи нет или, выражаясь языком Гегеля, человек как идея – это ничто – это противоречие стало основным идейным вызовом постмодернизму.

Разрешил постмодернизм это гамлетовское противоречие (*быть или не быть*?)? Нет. Точнее, он предложил, но именно *видимостное* разрешение. Имеется в виду то, что противоречие между **наличным бытием** человека (*теза*) **и ничто** как идеи отказа от идеи человека (*антитеза*) - это противоречие постмодернизм разрешил утверждением идеи **бытия** человека **как ничто** (*анти-синтез*).

На языке диалектической триады постмодернистское решение этого противоречия имеет следующий вид: (1) (*теза*) **наличное бытие** - (2) (*антитеза*) **ничто** – (3) (*антисинтез*) – **наличное не-бытие** = **наличное ничто**.

Такое решение есть не просто отказ, это постмодернистский отказ от идеи человека, что есть не то же самое, что бытие **без** - или - **вне** – человека. Постмодернистский отказ от человека – это в действительности есть **утверждение** принципа **наличного не-бытия** человека.

Итак, можно сказать, что **постмодернизм – это идеальное наличного не-бытия (ничто) человека**. А что в действительности есть этот *налично не бытийствующий*

человек, т.е. человек, налично подтверждающий присутствие своего отсутствия? Это есть труп. Труп – это не есть отсутствие человека, это присутствие его отсутствия. Вот откуда в культуре постмодернизма доминирование темы даже не смерти, а самого процесса убивания человека. Конечно, сами постмодернисты никого не убивают, но субстанцией постмодернизма является логика разложения *целого* на *частности*, в результате которого это *целое* обречено на необратимые формы мутантного бытия. Вот почему альтернативой постмодернизму является всякое *идеальное*, несущее в себе целостное представление о целостности мира и бытия. Но субстанцией этого альтернативного *идеального*, на мой взгляд, может быть только творческая деятельность человека, связанная с освобождением его от всех превращенных форм бытия.

И, наконец, *четвертый*. Здесь я хотела бы выдвинуть тезис не просто об общности постмодернизма и сталинизма, а более категоричный и который звучит так: постмодернизм является идейным (не политическим) наследником сталинизма. На первый взгляд такой тезис может показаться абсурдом. Разве такое возможно, ведь у них совершенно разный исторический контекст, разные риторикки. Да риторикки у них действительно разные, но объективные позиции очень близки. Понимаю, что мое время заканчивается, поэтому обозначу лишь некоторые аргументы.

Во-первых, и сталинизм, и постмодернизм не приемлют идеи человека как субъекта. Я тут вспомнила о том, что как-то Илья Эренбург в 60-е годы задавался вопросом, почему Сталин расстрелял большевика Мейерхольда, и не тронул беспартийного Пастернака.

Д. В. Черный: Пастернак был реакционером.

Л. А. Булаева: В отличие от Мейерхольда, Пастернак осуществлял свою субъектность, не выходя за пределы культуры. Для сталинизма же главный «враг народа» – это человек, имеющий самостоятельную позицию, причем, в первую очередь, как субъект истории. Вот почему роковой выстрел Маяковского был несчастливым: поэт понял, что оставаться целостным субъектом (и в культуре, и в истории) более невозможно. А быть не целостно он не мог – поэт.

Во-вторых, и сталинизм, и постмодернизм не приемлют идею противоречия. Для сталинизма одно лишь выражение «противоречия социализма» было бы достаточно, чтобы попасть в разряд «вредителей». Но ведь именно противоречия, а точнее – общественная практика по их разрешению являлась теми скрепами, которые соединяли сложные реалии советской системы, в которой были все (от большевика Маяковского до антикоммуниста Солженицына) в единое целое. Но по мере бюрократического размывания этой практики размывалась и сама целостность советской системы. Так что, для социализма страшны не противоречия, которые современные

либералы подают как компромат на социализм, а их неразрешенность, которая как раз и приводит к стагнации.

В-третьих, и для сталинизма, и для постмодернизма понятие общественной творческой практики по освобождению мира от разных форм отчуждения чуждо. Посмотрите предметные указатели постмодернистских книг и скажите, много там сносок на это понятие? Как правило, их нет.

В-четвертых, для меня феномен ГУЛАГа - это есть мощный аргумент неспособности сталинизма действительно разрешать противоречия советской реальности. Кстати, насколько в отличие от этого была гениальной диалектика Ленина и соответствующая ей практика социального творчества, которая позволила снять разрушительную мощь сложнейших противоречий эпохи в созидательный потенциал массовой культурной революции. Постмодернизм, как и сталинизм также не смог ответить на вызовы своего времени, обнаружив всю свою методологическую беспомощность и полную нищету гуманизма..

Б.Ф. Славин: Как я понимаю идеологию постмодернизма, точнее, постмодернистское мировоззрение? Конечно, я считаю его идейным течением эпохи зарождения глобального капитализма и крушения советской модели реального социализма. Классический капитализм эпохи модерна рухнул, социализм в его тоталитарной, сталинской версии тоже «приказал долго жить». Одним словом, «все смешалась» и «перевернулось» в новом глобальном доме. Это смешение и переворачивание породило соответствующую идеологию: ею и стал постмодернизм. В этом смысле постмодернизм есть реакция на современный капитализм, где разрушены границы добра и зла, истины и заблуждения, прекрасного и безобразного.

На самом деле эти границы и критерии существуют, но господствующая духовная элита буржуазного общества это не хочет замечать. Ей выгодно, когда говорят, что теория социализма устарела, что уже давно нет классов, эксплуатации, истины и справедливости. Отсюда многие сюжеты и тексты постмодернистов, которые философски обосновывают подобные утверждения. В действительности, конечно, продолжают существовать эксплуатация, классы и классовая борьба, стремление миллионов людей к справедливости, истине и красоте, однако все это постмодернизм объявляет устаревшими высказываниями (нарративами), лишенными содержания. Все течет, и в этом глобальном потоке социальной жизни нет ничего, за что можно было бы ухватиться: нет центра и периферии, нет высокого и низкого, даже смерть и жизнь являются истинами относительными, которыми можно пренебречь. Одним словом, все относительно в этом мире.

Откуда, например, возникла идея постмодернизма об устарелости и ложности больших нарративов? Думаю из реальной действительности. Например, долгое время считалась истиной сталинское высказывание «о полной и окончательной победе

социализма» в СССР, но оно оказалось ложным. Ложными оказались и великие нарративы буржуазной эпохи модерна с его ценностями: Свобода, Равенство, Братство. В этом смысле постмодернизм по - своему «ухватил» реальность, но «ухватил» односторонне. В чем его гносеологический недостаток? В релятивизме. От того, что многие большие нарративы и ценности оказались ложью, вовсе не следует, что все нарративы и ценности есть ложь. От того, что многие идеологии оказались иллюзорными, вовсе не следует, что все идеологии есть ложь и иллюзия, как думают все постмодернисты. Например, исходя из ложности «немецкой идеологии» младогегельянцев, вовсе не вытекает ложность ленинской идеологии, как думают некоторые отечественные критики русского марксизма.

Идея постмодернистской деконструкции есть, по сути дела, ложная релятивистская идея, не признающая возможности существования абсолютной истины и правды. Это идея фактического разрушения любого смысла, любых нравственных и научных ценностей. Что же тогда остается, за что же тогда ухватиться? По мнению бывшего либерального марксиста, а затем православного священника Сергея Булгакова, человек не может нормально и осмысленно жить, если он не стоит на твердой почве. Поскольку все материальное, включая Землю, не может являться такой почвой, (все материальное течет и изменяется во времени), то Булгаков приходит к идее Бога, как вечного и неизменного творца этого мира.

Но для постмодернистов Бог тоже есть большой нарратив, который не может обладать истиной, поскольку последняя сугубо относительна. Где же тот пункт, на которой можно опереться в познании и жизни? На чем «сердце может успокоиться»? У постмодернистов ответа на эти ключевые вопросы нет. Практики как критерия истины для них не существует. В этом смысле постмодернизм переживает кризис и возможно он скоро сойдет со сцены. Я поясню эту мысль.

Чтобы окончательно сойти со сцены, на мой взгляд, постмодернизм должен был прийти до крайности, до своего собственного отрицания. И, на мой взгляд, он уже к этому подошел, в частности, в литературе наших русских модернистов. *(Далее Б.Ф. Славин зачитывает отрывки из рассказа В.Сорокина «Настя»).*

Скажу сразу, на мой взгляд, этот рассказ есть апогей всей современной постмодернистской литературы. Здесь автор нам в образной форме показывает, что в человеческом мире не существует никаких границ: ни интеллектуальных, ни нравственных. Это «выход за любые пределы» и любые табу в человеческих отношениях.

Откровенный каннибализм – вот единственная положительная ценность современной эстетики постмодернизма, пропагандируемая В.Сорокиным. Абсолютов ныне нет ни в жизни, ни в искусстве, все относительно, и все возможно, вплоть до воспевания смерти и сугубо физиологических потребностей. Напомню, что каннибализм был закономерным явлением, когда человек только начал выходить из животного состояния. Он возродился лишь в экстремальных условиях человеческого существа.

воования типа блокадного Ленинграда, но никогда не был и не мог быть сутью человеческой жизни, ибо жизнь есть отрицание смерти, есть борьба с ней.

Однако, в чем же идеология постмодернизма отражает современность? Прежде всего, в том, что она фиксирует в ней всеобщее отчуждение и антигуманизм общественной и политической жизни, когда уничтожаются в войнах и террористических актах ни в чем неповинные люди, когда одновременно миллионы людей остаются безработными, когда духовной ценностью называют то, что таковой не является. На самом деле разве может быть ценностью такие явления и процессы современной жизни, когда мертвое и вещное возводится в предмет культового поклонения, а все живое и человеческое объявляется тривиальностью?

Что же следует противопоставить подобным тенденциям? На мой взгляд, одно – возвращение к идеологии и ценностям, выражающим истины и интересы подавляющего большинства человеческого сообщества.

Сегодняшний мировой экономический кризис показывает, что нынешний буржуазный мир не вечен, не вечна и его идеология постмодернизма. Люди не хотят соглашаться с системой, которая порождает насилие, «финансовые пузыри», безработицу, коррупцию и другие «прелести» буржуазных отношений. Они требуют иного мира, где нет виртуальных денег и капитала, где понятия нравственности справедливости не являются ложными нарративами, где труд господствует над капиталом, а жизнь над смертью. Старый мир должен уйти, об этом все чаще говорят простые люди и трезвые политики. Не случайно сегодня раскупают «Капитал» Маркса, показавшего как можно избавиться от кризисного развития человечества. Этот нарратив Маркса как никогда актуален. Уверен, что с уходом старого мира, уйдет и постмодернизм, уступив место новому реалистическому мировоззрению и новой классике в литературе и искусстве.

Г.Ш. Автова (аспирант Института философии РАН):

Тот постмодернизм, о котором мне бы хотелось поговорить, более всего относится к сфере международных отношений. Его явление в этом пространстве во многом сопряжено с необходимостью «оправдания» тех политических средств, и особенно целей, которые представляются неэтичными и, более всего, не соответствующими ценностям современной эпохи. Я хочу обратить внимание именно на то, каким образом процветающие страны Европы пытаются выстроить политику в отношении своих ближайших соседей.

Здесь нужно иметь в виду, что развитые европейские государства во многом свое окружение представляют в терминах «буфера безопасности» или «коридора сдерживания иммиграционных потоков». Именно данный подход соответствует той реальности, которая отражает неравную политику экономически сильных государств по отношению к периферийным странам. Но век либерализма и «уважения суверените-

та» не позволяет выстраивать межгосударственные отношения, оперируя понятиями и механизмами периода «европейского концерта», или «холодной войны». Тем самым, возникает необходимость выработки такого подхода, который смог бы создать иное представление об взаимоотношении между так называемым «пространством процветания, благосостояния и стабильности» и «пространством, несущее в себе вызовы данным ценностям». Теоретическим базисом этого подхода как раз и стали постмодернистские концепции.

Во многом здесь показательным, я считаю, является конструктивистский подход. Основными его теоретиками выступили Ослинская школа конструктивизма и Центр европейских политических исследований (Брюссель), который в большей части переложил основные идеи этого течения на отношения европейских стран центра и их ближайших соседей.

В основе данного подхода лежит теория социализации, ранее выработанные классиками социологии Питером Бергером и Томасом Лукманом. Однако, в конструктивистском варианте эта теория предстает в виде *некого конструкта действительности для «соседних стран»*, вбирающего в себя ценности прав человека, демократии и благосостояния, но осуществление которого будет возможно при условии исполнения этими государствами жестко регламентированных норм, правил и обязательств. То есть во многом «социализация» выступает механизмом перевоспитания «соседних» - для Европейского Союза - стран. На мой взгляд, цель такого проекта не стремление расширить «зону единых ценностей», а во многом увеличить пропасть между материально благополучным обществом европейских стран и обществом тех стран, которые географически оказались вне данного ядра.

Этот внешнеполитический конструкт в значительной степени однообразен для всех «соседей». Единый вариант реформ предлагается как для стран Восточной Европы, так и государств Магриба и Ближнего Востока. И я думаю, что это связано с тем, что для «разновекторного» или «многоликого» внешнеполитического инструмента необходимо учитывать реальность этих развивающихся и во многом бедных обществ. Однако идеи конструктивизма здесь служат неким «оправданием» политики экономической экспансии, и в то же время как «признание» (постмодернистскими теориями) того, что понять и объяснить существующие взаимосвязи между разными странами и социумами современные теории международных отношений уже не в силах.

А.И. Колганов: У меня сложилось убеждение, что постмодернизм так, как его трактуют большинство здесь собравшихся не представляет определенного философского течения так, как представлял из себя философское течение позитивизм, марксизм, разные течения гегельянства, кантианства и т.д. Есть некий более или менее связный слой философов, пользующихся определенными общими методоло-

гическими подходами, который оказывает влияние на смежные дисциплины общественного знания, которые базируются на этих методологических подходах.

На мой взгляд, постмодернизм - это явление совершенно иного порядка, это некое извлечение, выжимка, интерпретация, отчасти, может быть, даже приписывание, которое делается из некоторых положений ряда течений современной философии. То есть это некий «продукт», я бы сказал, «вторичный продукт» бессознательного философского творчества. Люди, которые так или иначе соприкасаются с философией или являются философами, берут из современной философии ряд таких положений, которые в совокупности представляют нечто такое, что более или менее хорошо описал Александр Владимирович.

Это ни некое течение, мы не можем сказать: этот человек постмодернист или эта группа людей - постмодернисты. Постмодернист - это «вторичный продукт», это изъятие из этих философских течений чего-такого и конструирование из этого псевдоцелостности. «Псевдо» - потому что она не является продуктом некоего творчества. И эта выжимка существует как факт общественного философского сознания, независимо от того, что хотели сказать люди, из которых эту выжимку делали и, может быть, даже вопреки тому, что они хотели, вопреки тому объективному смыслу того, что они говорили. Тем не менее, это явление сложилось или было сложено.

В таком виде это явление, вторичная философская надстройка, на мой взгляд, неправильно называется постмодернизмом: неправильно в том смысле, что термин неподходящий. У него, конечно, есть преемственность с тем, что мы называем модернизм, и Виктор Григорьевич эту преемственность показал, но я подхожу к оценке этого философского течения не с историко-философской позиции, не с позиции неких внутренних закономерных развитий философского знания. Я пытаюсь оценить это явление с точки зрения его места в общественном бытии. С этой точки зрения, постмодернизм претендует на то, чтобы быть философией эпохи постмодерна, и, следовательно, он претендует на самоутверждение, что модернизи завершено, что оно осталось позади. И в этом смысле можно назвать мое выступление «Постмодернизм как ошибка».

Л.А. Булавка: Как ошибка?

А.И. Колганов: Да, ошибка, потому что эпоха модернизи еще не кончилась, как этого не хотелось бы некоторым из нас, между прочим. Мне бы самому хотелось, чтобы она закончилась. Но она на самом деле длится. Постмодернити в изображении постмодернизма так, как я его обрисовал, это на самом деле не эпоха, вытекающая из эпохи модернизи, это не эпоха, продолжающая эпоху модернизи на какой-то новой ступени. Это эпоха расставания с модернизи, чистое расставание. Постмодернизм - это разрушенное или рухнувшее модернизи. Если мы посмотрим на постмо-

дернистскую социологию, то мы увидим, что она именно так описывает это общество. Это уже не массовое общество с атомизированными людьми, а нечто несоциальное. Человек там вроде бы и не человек. По крайней мере, не субъект. Он перестает быть действующим субъектом, он не человек практики. Это даже не масса, а некий аморфный туман.

Поэтому постмодернизм неслучайно так стремится дистанцироваться от действительности. Для него крайне опасным является вопрос: а с чего Вы взяли, что эпоха модернити закончилась, и вместе с ней ушли и смыслы, и иерархии, и структуры, и большие нарративы? Я считаю, что эпоха модернити не кончилась, структуры, смыслы, и большие нарративы существуют и действуют в человеческом обществе. И в этом смысле постмодернизм неправ. Хотя должен сказать в пользу этого постмодернизма, что он как симптом разложения, как диагноз, действительно, состоялся; он, действительно, указал определенную тенденцию, которая живет в современном мире модернити, а именно: тенденция к его грядущему разрушению и разложению.

Г.А. Хакумов: Я бы хотел начать с того, что здесь говорилось, что постмодернизм - это есть какая-то методология, на мой взгляд, постмодернизм не является методологией, и трудно отнести термины, которые использует постмодернизм к какой-либо теории, к методу, к научному объяснению действительности. Я хотел бы привести в качестве примера его проявления в методологии социального познания.

Я занимаюсь миросистемным анализом динамики капитализма, и если посмотреть с точки зрения постмодернизма, то миросистемный анализ, как и социальные идеи Фуко, Делеза, Бодрийяра и других, формируется под влиянием «культурного шока» 1968 года и в этом смысле является альтернативным исследовательским направлением. Например, подход Иммануила Валлерстайна. Мы видим, что, с одной стороны, за основу Валлерстайн берет марксизм, в какой-то степени идеи империализма Ленина, идеи неравномерного развития капитализма Розы Люксембург, немарксистские теории зависимого развития. С другой стороны, мы видим влияние Зомбарта, то есть уже отошедшего от марксизма историка, который исследовал капитализм на базе конкретного исторического материала. Далее это теория способов экономического поведения антрополога Карла Поланьи. Наконец, методологический стержень миросистемного подхода составляют идеи представителя школы «Анналов», крупнейшего историка Броделя, далекого от марксизма.

Миросистемные конструкты позволяют не просто выявить какие-то отдельные черты капитализма или исторического процесса, но они помогают в целостности и многообразии анализировать капиталистическую систему. И достигает он этого благодаря «духу» постмодернизма. Поэтому в данной ситуации, на мой взгляд, постмодернизм - это, конечно, не методология, он гораздо шире в смысловом значении. Он

затрагивает и сферу познания, ориентируя исследователя на методологический синкретизм, эклектизм, диалог с другими концепциями, тем самым усложняя сам познавательный процесс. На примере миросистемного анализа видно, что постмодернизм помогает современным исследовательским подходам разнопланово и объективно понять социальную реальность, избегая тем самым крайности и ограниченности многих социальных теорий эпохи модерна.

И.Е. Гумаргалиев: Здесь уже многое говорилось, поэтому я постараюсь не повторяться. Я думаю, что изучаемая нами парадигма исторически оказалась в том же положении, что и философия Нового времени, которая должна была, с одной стороны, отвечать на вызовы расширяющегося опыта, познания, то есть теории Бэкона, Декарта, и тенденции обмирщения религии, сохранение религии в новом качестве. Наша парадигма стоит приблизительно перед той же задачей - сохранения уровня знания. И здесь вопрос: сохранения или приспособление к новым реальностям, которые можно охарактеризовать как скачкообразный рост мегабитов информации.

Здесь много говорилось о сравнении, но не упоминался такой исследователь как Фейерабенд. Я думаю Фейерабенд, с его теорией против метода, стихийным анархизмом мог бы совпасть в чем-то с постмодернизмом. Прежде всего, тем, что он отрицал некую системность методологии, отрицал метод, и говорил о неких хаотичных, несистемных началах революций в науке, теории. Хочу все-таки отметить, какие можно конструктивно удержать позитивные черты постмодернизма и, которые можно использовать для конструктивного анализа и конструктивной творческой деятельности.

Прежде всего, теория симулякров мне представляется должна быть пересмотрена или проанализирована с точки зрения того, насколько симулякр является положительным, то есть является ли он создателем положительной теории смыслов, имеет ли он какую-нибудь перспективу прогнозирования будущего; связан ли он с такой теорией, методологической техникой построения моделей. Симулякр и модель, в чем-то вещи схожие: и там, и там исследователь стремится подогнать реальность под свои интенции, свои задумки, но другое дело - вопрос меры. Если отсечь в меру волюнтаризм, в меру несистемности в постмодернизме в отношении симулякров, то можно симулякры сделать позитивными смыслами в анализе.

Моделирование неких процессов, которые невозможно совершать в масштабах общества. Эти проблемы можно вывести и рассмотреть в постмодернизме. Касаясь проблемы нерациональности или антирациональности как характеристики постмодернизма можно сказать, что современная экономическая теория говорит о том, что для достижения, описания реальности понятие равновесия не годится, и соответственно рациональное балансирование как экономический принцип, то есть необходимо новое динамическое хаотическое неравновесие, которое содержится в исходных

посылках постмодернизма. Я думаю, удерживая эти три положительных черт постмодернизма можно по-новому посмотреть на марксизм и наши основные теории.

А.А. Пензин: Я оказался в таком странном положении – говорящего то ли за постмодернизм, то ли против. Хочу сохранить все же неопределенность и обратиться опять к нашему локальному контексту, а потом перейти к вещам более общим. Мне кажется, важным момент нашей интеллектуальной ситуации, – это, мягко говоря, ее изолированность, которая связана, возможно, исторически и со сталинизмом, так же как и с более либеральным периодом после, когда был очень ограниченный доступ к знанию, которым располагали только эксперты по западной философии, марксизму, французской философии. Как этот советский контекст трансформировался в то, что происходило здесь в 1990-е гг.? Мне кажется, что здесь я бы опять не стал употреблять этот термин «постмодернизм».

Сказать, что это просто все некая текучесть, релятивизм, мне кажется, непродуктивно. Поэтому, на мой взгляд, интереснее говорить о постсоветском состоянии, которое производит свои какие-то формулы, более специфичные. Свой цинизм, допустим, свой особые стёб, это такие вещи, которые в 1990-х распространились. Давайте возьмем это в плоскости искусства – художественных течений, людей, которые себя называли первыми постмодернистами в США. Основная проблема была в том, что модернистское искусство стало проблемой, оно модифицировалось, оно стало таким репрессивным каноном, как писал, например, тот же Джеймисон.

Я опять говорил об особенностях нашего контекста, второе – о том, что отдельные философии находятся на уровне, который нельзя редуцировать к «патологическим», говоря в терминологии Канта, представлениям о постмодерне, если мы даже используем это слово.

Л.А. Булаева: Алексей, скажите одним словом: какой *методологией* постмодернизм объясняет себя? Что это за методология?

А.А. Пензин: Существуют разные уровни. Существует, действительно, экспериментальная, авангардная философия, как во второй половине века во Франции. У этих мыслителей были разные позиции, но были и базовые консенсусы, они критично относились, например, к феноменологии, если взять Фуко и Делеза, и, с другой стороны, Деррида, который Гуссерля переосмыслял. Можно выделять общие черты, но это был конфликтный порядок, который не позволяет, собственно всем этим философиям застыть в виде идеологической доктрины, догматики.

А.А. Пензин: Методология? Я не знаю, как это слово здесь применить. Я думаю, что существует другой уровень, не философский, где можно говорить о низовой сти-

хийной идеологии – цинизм, релятивизм и т.д. Знаете, во времена Веймарской Германии была такая же идеология в 1920-е гг. Сам феномен цинизма тогда был очень распространен. То есть, можно в разные исторические эпохи найти эти вещи.

Б.Ф. Славин: А через какое понятие Вы определяете постмодернизм? Постмодернизм - это что? Это результат общественного сознания, это идеология, это что?

Л.А. Булавка: Как бы Вы сами сформулировали, что есть такое постмодернизм? В чем особенность вашего понимания?

А.А. Пензин: Мне интересно размышлять в таком плане, если мы принимаем это слово в историко-культурном смысле, как название эпохи и одновременно ее интерпретацию. Как я уже несколько раз сказал, я не склонен употреблять его в области философии. Если в этом узком смысле говорить, то интересна мысль, что конструкция постмодерна всегда строилась на некоем компромиссе. Тут надо сказать для начала, что важна идея того, что не было одного монолитный модерна, то есть эпохи капиталистической модернизации. Мне кажется важным то, что мы, как марксисты, должны понимать, что общество всегда было расколото.

Л.А. Булавка: А Ваше определение?

А.А. Пензин: Я сейчас не могу в трех словах дать школьное определение. Извините, это не ко мне, наверное, вопрос. Я хочу донести, скорее, тезис, что существуют, по крайней мере, две современности: одна современность связана с установлением буржуазной культуры и репрессивного государственного аппарата, защищающего права частной собственности и рынок, а с другой – всегда было сопротивление этой системе. Постмодерн всегда выступал с такой идеей консенсуса, идеей примирения двух современностей - господствующей и сопротивляющейся ей. В этом была его историческая сила – он говорит, что нет никакой альтернативы господствующей капиталистической современности, и поэтому проще примирится с ней.

А.В. Бузгалин: Мне бы хотелось в завершение дискуссии ниже перечислить некоторый набор признаков, которые сегодня встречаются в очень многих работах в области культурологи, экономической и социальной теории, в размышлениях о некоторых не-закономерностях не-истории - то, что раньше было историей философии и т.д. Это признаки, которые отличают постмодернизм от марксистов.

Первый: взгляд на предмет сквозь призму симулякров, когда определений содержания нет и быть не должно; есть только *как бы*. Это слово как бы, повторяемое ре-

гулярно, - типичный язык постмодерниста, предполагающий уход от определений и принципиальную установку на то, что их давать неправильно.

Второй тезис: асистемность. Постмодернизм не любит системности, уходит от выделения систем, которые имеют начало, конец, системное качество, возникают, умирают, сменяют друг друга и т.д. Это типично, в частности, в экономиксе есть экономика, где она же рыночная экономика, экономика США конца XX в., и все это такой кажется. Это даже не мозаика, а просто а-системность, децентрация, детерриализация. Это не обязательно Фуко или Делез, но если Вы покопаетесь, то Вы поймете, что постмодернизм а-системен.

Третий тезис. В постмодернизме нет объективного критерия Истины, Добра и Красоты, высокого и низкого. Это необязательно опять Фуко, Делез, тем паче Деррида, но инвариант постмодернизма именно таков. Если Вы спросите постмодерниста, что более ценно в искусстве, он скажет, что вопрос неправомерен. Если Вы скажете: это - масскультура, а это - высокая культура, то вам опять скажут, что эта постановка неправомерна. Ни системности, ни их четких границ нет.

Соответственно, в марксизме альтернативой децентрации, асистемности является системный конкретно-исторический подход, понимание логики смены систем и т.д. Я не говорю, кто прав, кто нет. Я лишь утверждаю, что эти различия реальны.

А.А. Пензин: Нет. Мне кажется, если говорить об истине, то давайте возьмем пример Фуко. Он не говорит, например: «истины нет, все ложь, жизнь ужасна, мир лежит во зле, в хаосе». Нет. Этого он не говорит. Он говорит о том, что его интересуют условия производства истины, в том числе социальные и политические. Как она институционально порождается, какими вещами, как допускается сама позиция говорения истины и правды. У него много исследований на эту тему, но он не говорит, что «истины нет», или «я люблю смотреть, как умирают дети». Фуко такого не говорил.

А.В. Бузгалин: Итак, *четвертый тезис:* делегитимация больших нарративов, есть по сути запрет на большие нарративы. В марксизме же они не запрещаются, но и не абсолютизируются. Марксизм – это исследование логики их смены, объяснение почему они возникают, почему должны уйти в прошлое, в какой мере они должны быть открыты и т.д.

Пятый тезис. Десубъективация. Есть очень много постмодернистских текстов, в которых прямо говорится об этом. Для марксизма же человек – это субъект, творец истории, причем человек в его социальном понимании. Для марксизма принципиальны вопросы когда, почему, в какой мере эта субъектность осуществлена, в какой мере реализуется родовая сущность человека и т.д.

Шестой тезис. Постмодернизм – это уход от реальности через текст к номаде. В марксизме есть альтернативная концепция – концепция идеального, точнее всего развитая Э.В. Ильенковым. Эти две концепции очень расходятся.

Седьмой тезис. Для постмодернизма mainstream'a типичен социально-политический конформизм. Да, это не имеет никакого отношения к Дерриде, тем более Бодрийару, но из Бодрийара и Дерриды вырос и стал общераспространенным постмодернистский конформизм. Как вырос ГУЛАГ из Ленина и Маркса. Почему? Как?

Восьмой тезис: постмодернизм - это десубъективированное бытие либо бунта, либо конформизма. Но не-субъект и того, и другого берет на себя ту миссию, о которой я говорил в самом начале. Миссию отрицания сопоставимости высокого и низкого, плохого и хорошего, более истинного и менее истинного. Постмодернисты же предпочитают утверждать, что каждый по-своему, как бы, может быть, отчасти что-то может утверждать, что можно в некотором контексте иногда сказать так, но в другом контексте можно сказать иначе или вообще не сказать.

Итак, из постмодернизма вырастает либо бунт, либо конформизм. За перечисленными выше тезисами, указывающими на отличительные черты постмодернизма, т.е. на определение того, что по его собственному мнению определить нельзя. Я согласен с Колгановым, что постмодернизм интересен как инструмент, который позволяет смотреть изнутри на рождение позднекапиталистической постмодернити.

Полная версия семинара размещена на сайте: www.alternativy.ru.
